

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В КЛИН

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. И. ЧАЙКОВСКОГО

рения человеческого духа.

Каждый день мы уходим в странствия за Знанием — и на школьной и на студенческой скамье, и на горной тропе, и в музейном зале. Человек живет, пока он хранит в себе эту страсть к открытиям и способность удивляться. Вот, наверное, почему нас все так ин-

тересует в великих судьбах: на примере большого проверить себя.

...А в Клину возле дверей дома Чайковского я встретила московских школьников. Они вместе с водителями разглядывали табличку на двери: «Дома нет». Ее вывешивал Петр Ильич каждый раз, когда вдохновение поглощало его и требовало уединения. И эта табличка уже давала повод для больших раздумий, уже была открытием. Значит, вдохновенный Чайковский работал так много и непрерывно, что как бы переставал существовать для окружающих. Значит, работа поглощала его всего целиком. Вот, значит, какова цена создания «Евгения Онегина». VI симфонии — полнейшее самоотречение во имя творчества и лишь тогда, как результат — Вдохновение.

...В передней дома-музея лежит будничная книга регистрации посетителей. В этом доме она стала поэмой. Маленький скромный домик в Клину привлекает к себе паломников со всех концов земного шара. Самые

различные алфавиты и черки, судьбы и характеры, страны и люди видятся вам в развернутой странице книги.

Вот графа «Откуда прибыл»: Рим, Калуга, Париж, Ленинград, Нью-Йорк... Чайковский сам очень любил путешествовать. За свою жизнь он совершил 27 зарубежных поездок. А теперь отовсюду едут к нему. Если вы возьмете в руки книгу почетных посетителей, то вам покажут на ее страницах записи, сделанные рукой выдающегося американского дирижера Леопольда Стоковского, восторженные отзывы советских космонавтов, подпись бельгийской королевы Елизаветы.

Поколения людей на земле идут, едут, летят к дому, где жил когда-то создатель музыки. Они верят Чайковскому, любят его, они проверяют свои жизни музыкой Чайковского, они учатся благородству и мужеству у героев его произведений. Они стремятся почтить память того, кто говорил: «Я желал бы всеми силами моей души, чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличивалось число людей, находящихся в ней утешение и подпору».

И это не просто слова, декларация. Когда звучит музыка Чайковского, нас поражает особый «доверительный тон». Не случайно симфонию Чайковский называет «исповедью души, в которой многое накоплено». Огромный мир чувств и дум композитора как бы обрета-

ет плоть во многих реликвиях и экспонатах музея.

Вот хранительницы дома в Клину, потомки семьи Чайковских Ирина Юрьевна и Ксения Юрьевна Давыдовы показывают мне рукописи Петра Ильича. Я держала на ладони небольшую, в черном кожаном переплете, записную книжку Петра Ильича. Он носил ее в нагрудном кармане и никогда с ней не расставался — ни в поезде, ни в лесу... Она хранит в себе самые первые и неожиданные его озарения поры работы над оперой «Пиковая дама». Эта книжечка, в которую композитор мгновенно заносил каждую новую музыкальную мысль, связанную с «Пиковой дамой», сегодня как бы разрешает нам заглянуть в тайны творчества.

Теперь мы знаем, что эту оперу Чайковский начал писать со сцены в спальне графини: на первом листке книжки — начальные фразы оркестрового вступления к четвертой картине. Вот набросок баллады Томского. В опере баллада станет злым роком Германа. Чайковский ищет этот образ Зла. Первый набросок (в этой книжечке все записи ведутся карандашом) сделан еле отчетливо. Замысел еще только возникает...

А вот другая страничка: «Я имени ее не знаю», — пишет композитор над мелодией, записанной тут же. И эта мелодия тоже вытекает из баллады Томского, хотя поет ее уже Герман. И рассказывает в этой мелодии Герман о своей любви. Набросок более отчетлив.

Крепнет творческая мысль. Вырисовывается драматургический замысел. Решение связано воедино судьбы Германа и Лизы с тайной трех карт...

А вот и тема любви Германа и Лизы. На этой странице Чайковский пишет убежденно и страстно. Ярким карандашом. А дальше яростно мажет, ищет, кроша карандаш, развивая мелодию. «Дай умереть, тебя благословляя!» — раскрывает словами смысл найденной музыкальной темы... Я листаю страницы этой книжечки, слежу за творческим поиском композитора, и вдруг становится ясно, почему же людей волнуют даже частности, даже малые детали великих биографий. Ведь вот эта записная книжка — она всего лишь деталь, начало работы над оперой. Но в ней аккумулярован такой огромный заряд творческой мысли, в ней прослеживается такое напряжение поиска и такое мастерство художника, что она, как сам живой Чайковский, вдруг становится твоим собеседником и вдохновителем.

Долгие последние месяцы мечталась, искалась тема для большой работы. Вот она. Рассказать людям о том, как работал Чайковский. Захватывает дух от этой дерзкой мысли. Но она подсказана самим композитором. Не хочется от нее отказываться. Надо работать. Пути, ведущие в Клин, не могут быть праздными. Светлана ВИНОГРАДОВА, музыковед.